

Б. П. ПОЛЕВОЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ Г. И. НЕВЕЛЬСКОГО (1849 год)

В 1954 г. в «Советской этнографии» (№ 3, стр. 77—82) была опубликована статья А. В. Смоляк «Экспедиция Невельского 1850—1854 гг. и первые этнографические исследования XIX в. в Приамурье, Приморье и на Сахалине». Все использованные А. В. Смоляк источники относились исключительно к 1850-м годам, между тем теперь впервые выясняется, что Г. И. Невельской сумел собрать весьма обширные сведения по этнографии Сахалина и Приамурья еще в 1849 г. Подробные данные об этом имеются в недавно нами опознанном неизвестном отчете Г. И. Невельского об его историческом плавании 1849 г. к устью Амура и в Татарский пролив.

Используя этот ценный, пока еще неопубликованный документ¹, мы и ставим своей задачей в настоящей статье охарактеризовать итоги наиболее ранних этнографических наблюдений Г. И. Невельского.

* * *

После поражения феодального Китая в первой «опиумной» войне 1839—1842 гг. возникла угроза проникновения западноевропейских и американских колонизаторов на реку Амур. В связи с этим многие русские государственные и общественные деятели, в том числе Г. И. Невельской, поставили вопрос о возвращении России утраченных ею в конце XVII в. земель по Амуру, которые на протяжении более полутора веков фактически оставались неразграниченными между Китаем и Россией. Возвращение этих областей было необходимо для дальнейшего экономического развития русских тихоокеанских владений.

Невельской был твердо убежден в том, что неперенным условием прочного закрепления за Россией этого экономически и стратегически важного района является установление наилучших отношений с аборигенами Приамурья и Сахалина. Для достижения этой цели, по его мнению, требовалось, чтобы русские строго уважали обычаи местных народов и постоянно путем торговли удовлетворяли бы их нужды. Вот почему Невельской решил уже во время первого плавания в дальневосточных водах подробно ознакомиться с этнографией края.

В формировании взглядов Невельского немалую роль сыграл его друг — петрашевец А. П. Баласогло.

Лишь сравнительно недавно стало известно, что А. П. Баласогло еще в 1846 г. заинтересовал Невельского идеей организации специальной исследовательской экспедиции на Амур. В дальнейшем Баласогло и Невельской совместно разработали план отправки на Амур одновременно двух экспедиций: морской и сухопутной. Предполагалось, что Невельской возглавит морскую экспедицию, а Баласогло примет участие в сухопутной в качестве этнографа². Повидимому, именно Баласогло первым обратил

¹ Архив Географического общества СССР, разряд 99, опись I, док. № 93. В дальнейшем изложении ссылки на этот документ даются в тексте статьи в скобках.

² «Дело петрашевцев», т. II, вып. I, М., 1941, стр. 136.

внимание Невельского на большое значение этнографических исследований в Приамурье. Однако самому Баласогло так и не удалось заняться этнографией Приамурья. В Петербурге отвергли план отправки сухопутной экспедиции на Амур, а в апреле 1849 г. Баласогло был арестован по делу петрашевцев.

Невельской же после долгих хлопот получил разрешение отправиться на транспорте «Байкал» к берегам Сахалина для изучения морских подступов к устью Амура.

12 июня 1849 г. транспорт «Байкал» подошел к восточному побережью Сахалина в районе Набильского залива. Посетивший ранее этот район Крузенштерн обратил внимание на имеющиеся здесь песчаные отмели, похожие на речной бар и на «разлог гор», и высказал предположение, что там проходит отдельный рукав Амура³. Невельской решил проверить на месте это предположение. Обнаружение такого рукава открыло бы кратчайший водный путь из Амура к Камчатке и Русской Америке, что имело бы для России большое экономическое и политическое значение.

Полагая, что наиболее достоверные сведения об этом можно получить от местных жителей, Невельской уже в день прибытия к сахалинскому побережью сделал попытку установить с ними сношения.

Вечером 12 июня, находясь в районе «Шхер Благополучия», Невельской отправил на разведку на сахалинский берег своего помощника Козакевича и мичмана Гейсмара с небольшой группой матросов. Вот как описывает эту первую встречу с местными жителями восточного берега Сахалина сам Невельской, наблюдавший за ней с борта транспорта «Байкал»: «Только пристали шлюпки к берегу, как уже толпа любопытных шла издали навстречу и, как видно было в трубу, была вооружена стрелами. Но с приближением жители положили это оружие за кусты. Постоянным правилом было принято на отправляющихся на берег шлюпках для предосторожности иметь гребцов, вооруженных ружьями, но только в самой крайности прибегать к нему и под самой строжайшей ответственностью избегать всяких неприязненных столкновений, как можно ласковее и с большой осторожностью обходиться с жителями. Кроме того, каждый офицер, отправляясь на несколько дней, имел от нашего доктора наставления и необходимые медицинские пособия.

Видно было, что жители не решаются подойти к шлюпкам. Им начали махать, зовя к себе, после чего трое, отделясь от толпы, стали подходить, а за ними вскоре и вся толпа двинулась.

После разных обоюдных приветствий, чтобы расположить их в свою пользу, сделали им подарки: огниво (кремни были в большом почете), а табак, кажется, неоценим — они принимали его с жадностью» (лл. 28—29).

В тот же день Невельской сделал и первую краткую запись о внешнем облике местных жителей: «Одежда их состояла из кухлянок, но без капюшона, или, лучше сказать, из коротких кафтанов, сделанных из тюленьей кожи; длинные торбаса из той же кожи были подвязаны под коленом, оставляя верхнюю часть ноги голой; как кафтан, так и торбаса, были одеты на голое тело. У многих такого же покроя кафтаны были из синей китайки. Головы ничем не покрыты; волосы черные, гладкие и заплетенные в косу, висевшую сзади; глаза черные, не слишком узкие, с прорезью монгольского типа, кости в висках выступившиеся; некоторые были высокого роста, статны и плечисты, а прочие — среднего; всякий имел при себе по одному, а некоторые по два ножа, висевшие на ремнях, опоясанных сверх одеяния, у других висело огниво, и в сумках древесный трут. Ножи и огниво имели большое сходство с якутскими» (л. 29).

13 июня мичман Гротте и подпоручик Попов по заданию Невельского осмотрели жилища сахалинцев. В отчете записано: «Селение лежало на

³ И. Ф. Крузенштерн, Путешествие вокруг света в 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева», т. II, СПб., 1810, стр. 188 и 191.

острову вдоль берега и расположено было в два ряда в расстоянии один от другого около 50 сажень. Строение хижин двоякого рода. Одни имели основания четырехугольные и крыши из еловой коры сходились к верши не конически, а другие имели конические основания, покрытые рыбьей кожей; как те, так и другие, построены из шестов. Вход в жилище не запер дверью, а был свободен. Во внутренности лежала по сторонам разная утварь (кажется, японской работы), чугунные котлы на трех ножках с откидными ручками, рыбы кожи и тюленьи шкуры. Вокруг хижин были привязаны собаки, принадлежащие к одной породе с камчатскими. В кедровнике за юртами паслось стадо оленей» (л. 29—31).

Невельской дал задание Козакевичу, расспрашивая местных жителей выяснять, как они сами себя называют. Но все попытки выяснить их с моназвание оказались безрезультатными. «Из распросов знаками нельзя было положительно узнать: что они за народ и чью признают власть на собой?» (л. 29).

Таким образом, Невельской в 1849 г. еще не смог определить, к какой народности относились первые встреченные экспедицией жители Сахалина. Но судя по тому, что они занимались оленеводством и имели жилища с конической вершиной, можно полагать, что это были ороки.

Распросы ороков и осмотр местности убедили в том, что никакого рукава Амуре в этом районе не было.

Не теряя времени, Невельской отправился в дальнейший путь для обследования северной оконечности Сахалина. «В следующие дни при проходе транспорта вдоль берега, — отмечено в отчете, — во многих местах видели жителей, и когда посылались шлюпки для осмотра какой-либо заводи или озера, всегда почти встречали, если не жителей, то повисевшей на жердях рыбе можно было предполагать о существовании поблизости жильцов» (л. 31—32).

Несомненно, спутники Невельского в этих районах встречались уже преимущественно с нивхами (гиляками). Однако в 1849 г. Невельской еще не отличал нивхов от ороков.

Когда «Байкал» достиг северной оконечности Сахалина и повернул на запад, нивхи стали встречать русских менее дружелюбно. «Между мысами Марии и Елизаветы, — отметил Невельской, — в живописной равнине лежит довольно значительное селение, которое имеет более фундаментальности в постройке и в оседлости и жизни. Сначала посланная в него шлюпка не совсем была принята благосклонно жителями, которые вышли навстречу ей на своих шлюпках и махали веслами, чтобы наша шлюпка не подходила к берегу, но когда подошли на такое расстояние, что можно было передать им соблазнительный табак, их неприязнь понемногу смягчилась, и вскоре шлюпка наша в сопровождении шести лодок, на каждой из которых было по 8-ми человек, вошла в залив, в котором были расположены селения. Жители, видя, что нет никаких намерений с нашей стороны их обижать, начали предлагать разные менки. Собольи шкуры и тюленьи кожи были самый дорогой товар; пс большей частью эта мена всегда была в их пользу — подарками безвозмездия, но, несмотря на нашу щедрость, они не желали допустить нас в свои дома, не говоря уже о сбережении женщин, которые с приближением шлюпки к берегу взбирались на отдаленные возвышенности» (л. 32—33).

Невельской довольно быстро разгадал причину такого недоверчивого отношения к прибывшей экспедиции со стороны жителей северной оконечности, и особенно северной части западного берега Сахалина.

Виновниками этого были иностранные, в частности американские китобои, появившиеся обычно у берегов Сахалина со стороны Шантарских островов. Китобои, как установил Невельской по рассказам местных жителей, «большие охотники к разным насильствиям» (л. 33). Поэтому нивхи этой части сахалинского побережья настороженно относились ко всем пришельцам с моря. Иное положение было у восточного берега

куда «китобойные суда еще не совсем добрались» (л. 32). В доказательство этого утверждения Невельской указывал на то, что в районе Шхер Благополучия транспорт «Байкал» с утра до вечера был окружен стадами китов, которые плавали около судна, не опасаясь за свою жизнь, тогда как у северо-западного берега Сахалина киты при появлении транспорта «Байкал» обычно пугливо отплывали в сторону.

Особенно часто иностранные китобои посещали нивхское селение Тамлево, расположенное в районе мыса Головачева при входе в Амурский лиман. «Первая просьба этих жителей,— сообщает Г. И. Невельской,— была «арак» и «ром». У них видели также английские иголки и ножи, что прямо подтверждает сношение их с китобойными судами» (л. 42).

Весьма характерно, что именно у этого селения и произошел единственный за все время плавания 1849 г. конфликт с нивхами. Он возник из-за того, что жители Тамлево похитили одежду русских моряков, ночевавших на берегу вблизи их селения.

Из отчета мы узнаем, что Невельской сумел даже и этот эпизод использовать для улучшения отношений с нивхами. «На другой день,— пишет Невельской,— вероятно, боясь мщения, вся деревня около 200 человек была вооружена. Время не позволяло тотчас же предпринять что-либо для выручки вещей, что я полагал необходимым сделать, разумеется без неприязненных столкновений, дабы не подать повода другим на будущее время и избежать могущих от этого произойти ссор. Ожидал удобного случая, который скоро представился. Похитители, видя, что мы не обращаем внимания на их поступки, или, может быть, надеясь, что мы их не узнаем, через два дня после этого происшествия привезли на транспорт для вымена на табак свежую рыбу. Я, показав им на украденные вещи, объявил, что до тех пор пока эти вещи не будут возвращены, двое из них должны оставаться на транспорте. Все они, а особливо выбранные старики заложниками, хорошо поняли и, желая избежать ареста, показывали, что они будто бы совершенно не знают о похищении и живут в другой деревне, но, видя, что хитрость эта не помогает, переговорив с товарищами, отправили их на берег. Ожидания мои исполнились. На другой же день мы увидели идущие от берега, наполненные людьми три шлюпки. Они, не доходя на значительное расстояние до транспорта, перестали грести и кланялись весьма униженно. Когда им позволено было подойти к транспорту, один из пассажиров поднял вверх собаку и низко кланялся, как бы предлагая выкупа за товарищей. Когда их спросили: «где же вещи?», они очень хорошо поняли, об чем их спрашивают, но как бы из предосторожности не ранее возвратили вещи, пока не были спущены к ним арестанты. И когда арестованных мы одарили пологами, огнивами, топорами и проч. и когда, вероятно, эти последние рассказали им, как мы с ними ласково обращались и как хорошо их кормили, радость всех была невыразима. Каждый из них лез ко мне обниматься, показывая знаками, жаловались, что суда с моря подходят к их деревне и делают разные неистовые бесчинства; многие же, обращаясь к товарищам своим, бранили за поступок с нами. Эти же последние показывали знаками, что они в нас ошиблись; вся эта история кончилась тем, что мы расстались совершенными друзьями и с этих пор встречали везде самые миролюбивые приемы» (лл. 33—35).

Таким образом, убедившись, что поведение Невельского и его подчиненных резко отличается от поведения китобоев, нивхи сразу же изменили свое отношение к русским морякам.

Между нивхами и русскими установились дружественные отношения. «За угощения и ласки наши,— отметил Невельской,— они всегда старались отвечать, приглашать к себе в хижины, предлагая нам сырую белугу, нерпичий жир, ягоды и сарану. Если мы отказывались есть сырую рыбу, они предлагали ее сварить, но нечистота не допускала воспользоваться вполне их хлебосольством. Мы сгарались сколько возможно отка-

зываются от подобных слишком неастрономических обедов. Однако, видя, что если мы не попробуем — особливо нерпичьего жиру или сырой белуги — они обижаются, а потому, чтобы еще больше сблизиться с ними исполнением их обычаев, часто случалось пробовать эти отвратительные закуски. Беседа эта кончалась курением табаку и подарками хозяину и хозяйке за угощение, и, наконец, все семейство по очереди подходило обниматься» (лл. 37—38).

Большим нивхам русские моряки старались оказать медицинскую помощь. Слава о том, что «лоча» (т. е. русские) умеют лечить, быстро распространилась среди нивхов. Они, сообщает Невельской, «толпами приходили к нам, прося излечить» (лл. 41—42). Особенно много приходило нивхов, страдавших глазными болезнями. «Мы показывали им, — пишет Невельской, — что это происходит от нечистоты, заставляли их мыться. Первый опыт был сделан над девушкой с довольно приятной физиономией, показывая ей, как она похорошеет, когда вымоет руки и лицо. Любопытство заставило удовлетворить нашим просьбам, и подаренное зеркальце вполне доставило ей удовольствие; они смотрели беспрепятственно, поворачивая его в разные стороны и делали разные grimасы, чтобы убедиться, точно ли они видят себя. Подарки и перерождение девушки произвело на молодых влияние: все, кроме стариков, бросились умываться, тря лица свои без жалости, и утирались грязной полой своих платьев» (л. 42).

Все эти факты ясно говорят о том, что Невельской и его подчиненные пришли в 1849 г. к берегам Сахалина и в район Амурского устья как подлинные друзья нивхов. И нивхи это хорошо поняли. Гиляки, писавшие Невельской, «проводжали нас почти с изъявлением какой-то грусти, что мы скоро их оставляем, далеко следя за нашими шляпками, и в ближайшей деревне упреждали о нашей щедрости и ласковом с ними обращении, ибо везде встречали нас как будто знакомых. Заметь, что мы любопытствуем об их образе жизни, стране, о фарватерах и прочем, они всегда старались сколько возможно удовлетворить нашим вопросам» (лл. 46—47).

Нивхи оказывали русским исключительно ценную помощь. Невельской так и отметил в своем отчете, что без помощи нивхов он «никоим образом не мог бы не только в продолжении лета, но и более, ознакомиться с лиманом» (л. 47).

Именно от нивхов Невельской получил главные сведения по географии Сахалина. Особенно ценными были для него рассказы нивхов о Татарском проливе. Еще во время пребывания русских моряков в Амурском лимане лейтенант Козакевич узнал от нивхов не только о существовании пролива, отделяющего Сахалин от материка, но и получил некоторые данные о его фарватере. Уже тогда из пояснительных жестов нивхов Козакевич понял, что Татарский пролив достаточно глубок, чтобы через него могли плавать корабли. Это известие еще более усилило стремление Невельского тщательно изучить Татарский пролив.

Невельскому принадлежит честь составления первой русской карты северо-западного берега Сахалина и устья Амура, на которую были нанесены названия нивхских деревень. Эти сведения были также получены непосредственно от нивхов, которые, как отмечал Невельской, «почти в каждой деревне, чертя на песке и ставя палки вместо деревень, рассказывали их названия далеко за Южный пролив по берегам Татарии, где обитают гиляки» (лл. 36—37). Один из нивхов даже сумел карандашом на бумаге начертить «карту всего Лимана с названием деревень» (л. 36). Другой знаками рассказал о глубине фарватера. «Но удивил более всех, — пишет Невельской, — геометрист на реке в дер. Чнирх-рах, который чертил на песке границы владений гиляков и манчжуров; знал якутов, а еще более поразил, когда начал по-русски называть некоторые вещи — чайник, ружье, курок, и знаками показывал, что он знает об винтовке»

(л. 36). Нивх-«геометрист» объяснил, что он познакомился с русскими вещами и словами во время своего пребывания у эвенков, живущих южнее Удского острога. «Этот же рассказчик,— отметил Невельской,— был первым, который сказал, что он не манчжур, а гиляк, и вся толпа начала называть себя гиляками, потом, обеда все точки пространства, устья и часть реки, показал, что все это населено гиляками и что они не принадлежат манчурам, но из всего видно, что их не любят и боятся» (л. 36).

В дальнейшем Невельской тщательно проверил эти сообщения и убедился, что они полностью соответствуют действительности. Так, сразу были опровергнуты еще два неправильных утверждения Крузенштерна.

Как известно, Крузенштерн полагал, что северная часть Сахалина и побережье Приамурья населены какими-то подчиненными Китаю «татарами»⁴. Невельской доказал, что в этом вопросе был прав не Крузенштерн, а русские землепроходцы XVII в., называвшие низовье Амура и Сахалин «землей гиляков», которые никому «дани не платят»⁵.

Крузенштерн утверждал, что устье Амура охраняется «китайской силой». Невельской же от местных жителей узнал, что в устье Амура никогда не было китайских войск. Сюда лишь проникали без ведома китайских властей некоторые торговцы-маньчжуры. Иногда они даже совершали поездки на остров Сахалин. Но нивхи ненавидели этих маньчжурских купцов. Невельской пишет: «Нелюбовь же их и боязнь к манчурам можно было видеть во многом. Например, в одной деревне, когда мы уже ознакомились и называли их гиляками и они убедились, что мы не маньчжуры, то в доказательство их к нам расположения втыкали в землю палки, называя их манжурами, и потом с сердцами сколачивали одну за одной» (л. 37). И далее:

«Почти все они рассказы свои кончали тем, что показывали отвращение свое к манчурам, что, вероятно, происходило от того, что (как я впоследствии узнал по собранным сведениям) маньчжуры, заезжая к гилякам, обирают все у них лучшее, делают различные своеволия и уводят даже женщин, а потому гиляки, слышав приближение манжура, скрывают пригожих женщин в леса, однако, под страхом ужасного от них мщения, если манчжур узнает как-либо, что хозяин скрыл свою жену или дочь» (л. 47).

После того как нивхи ближе познакомились с русскими и убедились, что их поведение резко отличается от поведения китобоев и маньчжурских торговцев, они уже не прятали своих женщин. «Когда жители узнали,— пишет Невельской,— что мы не маньчжуры, женщины никогда не исключались из общества» (л. 38).

Нивхи постоянно заявляли Невельскому, что они не признают над собой власти маньчжур.

Уже в 1849 г. Невельской первым из исследователей приблизительно установил границы распространения нивхских селений. На основании сведений, собранных от местных жителей, он сообщает: «Гиляки занимают всю северную часть острова до широты около 50°, оба берега реки Амур на пространстве около ста миль от устья ее и берега Татарии много южнее гавани де-Кастри, ибо за деревню Сешеры, в этой гавани находящейся, они показывали, что есть еще две деревни далее ее, обитаемые гиляками» (л. 48).

От местных жителей Невельской узнал, что какое-то крупное иностранное судно уже в 1848 г. побывало в южной части Татарского пролива. «В одной из деревень в Татарском заливе около южного пролива пожилой гиляк, показавший мне знаками границы их владений,— пишет Невельской,— заметя на мне синюю английскую куртку, остановился и смотрел на меня как бы со страхом и недоверчивостью. Я, не понимая такой перемены, подарил ему ножик и просил продолжать рассказ,

⁴ И. Ф. Крузенштерн, Указ. соч., т. II, стр. 171 и 181.

⁵ «Дополнения к актам историческим», т. III, СПб., 1848, стр. 55.

но он, к удивлению, рассматривал мою матросскую куртку, взял меня за руку, показывая далеко к югу на берег, на море, на свою лодку, увеличивая ее, и, указывая на мою куртку, объяснил мне знаками о множестве виденных им людей в подобном костюме и, наконец, размахивая руками, с каким-то страхом, прижимаясь ко мне, показывал мне знаками и голосом как бы пальбу с приходившего сюда судна. Я нарочно снял с себя куртку и бросил ее в сторону, давая как бы тем знать, что это не наше одеяние и что мы его не любим. Он начал обнимать меня и изъяснять страх, который навели, может быть, на них пальба с приходившего сюда какого-либо судна, но, судя по этому, — по костюмам людей и по знакам гиляка о множестве их, надо полагать, что судно то было довольно значительное, военное. Впоследствии г. Орлов рассказывал мне, что от жителей деревни Коль он слышал, что действительно года два тому назад в южной части Татарского залива было судно, стреляло ядрами, вероятно, учило команду пальить в цель» (л. 47—48).

Это известие встревожило Невельского и окончательно убедило его в том, что России необходимо поспешить с занятием устья Амура.

Предполагая, что именно в этом районе в самом ближайшем будущем возникнут первые русские поселения, Невельской уже в 1849 г. подробно исследовал быт нивхов, живших в деревнях по берегам устья Амура и Амурского лимана.

Прежде всего, он опроверг утверждение Крузенштерна о том, что население этих мест будто бы знало земледелие. Как известно, Крузенштерн, осмотрев побережье Амурского лимана, писал: «Мы видели даже и нивы, обрабатывание коих доказывало, что здесь живет народ, успешный в образе жизни более, чем айны»⁶. Невельской же в своем отчете вполне определенно заявляет, что нивхи «ни о хлебопашестве, ни о скотоводстве, ни об огородничестве не имеют никакого понятия... Главная промышленность гиляков — рыбная ловля, что достается им весьма легко, потому что видимые нами стада белуг покрывают все пространство Лимана, не говоря о множестве красной рыбы, хайко и горбуши, и в реках огромных налимов и осетров» (л. 44). Этим самым Невельской подтверждал правильность рассказов русских землепроходцев XVII в. Как известно, еще Василий Поярков, вернувшись с Амура, сообщил в Якутске в 1646 г., что «гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губкам живут многие гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою...»⁷.

В отчете Невельского описаны различные способы ловли рыбы у нивхов: «Белуг ловят следующим способом: на глубинах ставят заколы, между ними протягивают сети и оставляют на ночь или со шлюпок привязанных с этих заколов бросают в белугу длинный тонкий шест, у которого на конце насажено острое с зазубринами железное копье с привязанным к нему длинным ремнем, закрепленным одним концом к шлюпке. Остальную рыбу ловят весьма просто: перед каждой деревней от берега в море на значительное расстояние вколачиваются колья. Человек на берегу, привязав конец невода на длинную палку, из нескольких тонких жердей составленную, заводит его за вколоченный кол. Другой один конец оставляют на берегу. Рыба, идя вдоль берега, запутывается головой в сети и бьется до тех пор, пока тот же человек не подходит и не вытаскивает ее, бросая на берег или в шлюпку» (л. 44).

Невельской отметил также, что нивхи постоянно охотятся в Амурском лимане за тюленями. Нивхи бьют тюленей, пишет он, «точно так же, как якуты, маленькими стрелками или камнями» (л. 45).

Невельской подробно описывает лодки нивхов: «Шлюпки их очень ходки, мелководны и принимают значительный груз. Они выстроены в большей части из тополевого леса, плоскостонные и состояются из не-

⁶ И. Ф. Крузенштерн, Указ. соч., т. II, стр. 177.

⁷ «Дополнения к актам историческим», т. III, СПб., 1848, стр. 55.

скольких досок без шпангоутов на деревянном скреплении. Основанием служит доска шириной около 8-ми дюймов и более, длиной от 25-ти до 30-ти фут, на которую в ствол приколачиваются боковые доски большей ширины, чем основание; с кормы их связывает ребром же приколоченная к основанию поперечная доска, в носу же делается маленькая пристройка. Она и отличает, как показывают жители, конструкцию гяляцкой от конструкции манчжурских лодок. Весла — овалы лопатки, которые в вальках имеют дыру, чтобы накладывать их на колышки вместо уключин. Эти лодки с легкостью вытаскиваются на берег и при сообщениях между деревнями, где позволяет берег, идут бичевой, запрягая собак, которые весьма хорошо к этому приучены» (л. 46).

В отчете приведены подробные описания нивхских жилищ в деревнях, расположенных по берегам Амурского лимана. «Все деревни по лиману и в окрестностях его к северу и югу, на материке и на острове имеют одинаковый характер. Деревни обыкновенно расположены на луговых, или песчаных отлогостях около моря, чтобы без малейшего труда можно было ловить рыбу. Дома разделяются на зимники и летники; первые стоят на значительном от земли возвышении, фундаментом им служат толстые кикеры, врытые прямыми концами в землю, а на крышах, как на балках, кладутся незначительной толщины бревна, по большей части еловые, концы бревен в углах соединяются обыкновенным замком врубкой. Крыша из еловой коры положена небольшими пластинками, так, чтобы вода могла стекать, не попадая внутрь. Передний фасад имеет открытую с боков галерею или балкон, на которую ведет лестница, во всех домах одинаковая, состоящая из неширокой засаленной жиром плахи с нарубками вместо ступеней. Галерея, всегда наполненная любопытными женщинами (при наших посещениях), обвешана только что пойманной белугой, которой внутренность и кровь делает неприятный вид и издает скверный запах; кроме того, на жердях висит для сушения мелкая рыба. С галереи этой, имеющей ширину от 5-ти до 4-х фут, вход в первую комнату, где на жердях вдоль висит сушеная рыба, на полу же — домашняя утварь, сети, сундуки, обувь, платье и проч.; по середине же собаки; наконец, отворяя на деревянных петлях низенькую дверь, входим в гостиную, спальню и кабинет. Здесь идет дружеская беседа. Толпа женщин, не весьма красивых и чистых, сидят поджавши ноги или полулежа в углу, — комната обставлена по стенам широкими нарами, на которых беседуют мужчины, почетное место для гостя покрыто всегда сплетенной из травы циновкой. По середине складена печь, занимающая почти всю длину комнаты. Печь эта состоит из нескольких досок, поставленных ребром на полу, составляя четырехугольник вышиною от полу на один фут, — в середину набито земли и положено несколько камней. В печи огонь почти не угасает. Для выхода дыма в крыше оставлено отверстие, которое в ненастную погоду закрывается. Над огнем висят жирные части белуги и коптится рыба — жир с них каплет в чугуны, поставленный на огонь котел. Все это издает душный запах. Разность в устройстве зимних жилищ, всегда в некотором расстоянии от летников находящихся, состоит в том, что они становятся прямо на землю и для тепла обмазываются смешанною с травой грязью. Дверь околачивается тюленей шкурой; печь в избе не посередине, а у одной из стен, от нее под нарами или лучше за лавками проведена труба, которая, выходя на воздух, вставляется в поставленное у дома пустое внутри дерево.

Под домами на привязи находятся собаки. Около каждого дома устроена особая сушиллка, в которой на жердях правильно нанизанная за голвки вялится на солнце рыба. Эта сушиллка состоит из бревенчатой площадки на таком же фундаменте, как и дома. У многих домов на привязи откармливаются орлы и в клетках медведи и лисицы. Кроме обыкновенной потребности встречаются в домах вещи манчжурской

работы, и как они видели, что мы интересуемся знать, откуда какая вещь приобретается, они всегда предупреждали вопрос. Показывая ножи, копья, топоры, они всегда показывали знаком отрицательным, что это не манчжурские, сундук же, разные тарелочки, китайки, табак «манчжурские» (л. 38—40). В другом месте отчета Невельской отметила: «Ножи и топоры они, вероятно, получают от наших промышленников, и потому что совершенно такой же формы и достоинства, как у якутов. Это тем подтверждается, что в одном доме деревни Коль мы видели три винтовки, ничем не отличающиеся от якутских, и хозяин их нам показал знаками, что он добыл их на Тугуре от тунгуса и якута» (л. 44).

Описывая внешний облик жителей района Амурского устья, Невельской сравнивает их с нивхами Сахалина, особенно его восточного побережья: «Тип физиономий обывателей материка и устья реки такой же почти, как островитян, но гораздо более смешанной. Нельзя сказать, чтобы они были все брונеты и имели монгольский склад лица, — многие из них с русыми волосами и совершенно прямой разрез глаз» (л. 40—41). Большое внимание Невельской уделено описанию одежды нивхов. По ее словам, одежда нивхов в районе устья Амура и на западном побережье Сахалина была «более роскошна, нежели у жителей восточной части острова» (л. 41). Нивхи западного побережья Сахалина и материка, отмечал Невельской, «все почти имеют из китайки шаровары, короткие кафтаны или из китайки же или из рыбьей кожи на ногах и торбаса или полусапожки с довольно красиво и со вкусом вышитыми узорами. Шляпы ими редко употребляются; они сделаны из березовой коры — низко конические, с широкими полями и наружная сторона белой березовой коре обкладывается черной корой замысловатыми узорами. Женщины имеют одежду вроде блузы из китайки, застегнутой спереди медными пуговицами. Подол у щеголих убран разными металлическими вещами, головной убор тот же, что и у мужчин, в ушах огромные серьги, на которых навешаны разные побрякушки. Тут же находили медные и даренные нами пуговицы. На руках медные кольца и браслеты из медной проволоки. Все почти мужчины носят на большом пальце особой формы кольцо; у иных — гладкие, а у некоторых расписанные разными красками. Маленькая трубочка и сумка с табаком есть необходимая принадлежность каждого» (л. 41).

Эти описания точнее, чем в книге Крузенштерна, который, например, ошибочно утверждал, что одежда сахалинских «татар», т. е. нивхов, напоминает алеутскую и эскимосскую камлейку⁸.

В отчете дана характеристика оружия нивхов: «Вооружение жителей всего осмотренного края одинаково: луки и стрелы и редко встречаются копья, но, кажется, они не искусные стрелки. По крайней мере старались перед нами скрывать это искусство. На просьбу нашу показать их в это ловкость они всегда отказывались под предлогом, что можно потерять стрелу или сломить ее. В одном из селений после убедительных просьб наших старый гиляк, как ловкий по указанию других стрелок, едва двадцать шагов мог попасть в большой куст; после этого вся толпа пришла к нам и просила показать нашу ловкость с оружием. Удивлением было невыразимо, когда выбранные четыре матроса на значительном расстоянии попали ружьями в цель. После каждого выстрела вся толпа бросалась к дереву, чтобы увидеть, точно ли там находятся пули.

Копья довольно хорошей доброты и работы с различными насечками. Форма копья — растянутый эллипсоид, в один фут длины и около трех дюймов ширины. Они крепко насаживаются. Древко фут шесть дюймов. Это оружие, как кажется, гиляки считают неоценимым и за все предлагаемые вещи они не хотели его уступить.

Каждый гиляк всегда имеет при себе два ножа. Один большой для защиты, а другой маленький — для крошения табаку» (л. 43—44).

⁸ И. Ф. Крузенштерн, Указ. соч., т. III, стр. 190—191.

Характеризуя социальный строй нивхов, Невельской, вопреки утверждению Крузенштерна о том, что жители северного Сахалина управляются старшинами, писал: «Ни родоначальников, ни старшин, имеющих, так сказать, общую власть, мы не заметили. Они, кажется, имеют только семейное патриархальное управление — стариками улаживаются распри. Споры между собой, по собранным мною сведениям, кончаются поединками на палках, следствием которых никогда не бывает убийств, но за кровь мстят кровью. Эта месть переходит в семейства» (л. 42).

Невельского поражало развитое в нивхах чувство товарищества: «Дружество их между собой или, лучше сказать, хлебосольство, — отличное: когда мы давали сухари или чего-либо из нашего обеда одному, он разделял этот кусок на самые гомеопатические части, давая пробовать товарищам» (л. 42). Из отчета Невельского ясно видно, что во всей «земле гиляков» существовал первобытно-общинный строй.

Невельской интересовался вопросом: имеется ли у нивхов религия? Он внимательно осматривал внутреннее убранство жилищ, но нигде никаких предметов культа не обнаружил. Лишь на кладбищах он увидел «отпечаток суеверия». «Над каждой могилой, — пишет он, — в разнообразных формах в миниатюре построены домики или поставлены с маленьким навесом столбики — в этих памятниках обыкновенно находятся чучелы в полном гиляцком костюме или завернутые в берестке табак, брусника и разные травы» (л. 40). Обобщая эти наблюдения, Невельской отметил: «Об религии нельзя сказать ничего положительного, ибо нигде не встречали никаких признаков ее, но видно, что обряд венчания совершается и многоженство не в обычае» (л. 42).

Давая в заключение весьма положительную оценку нивхам: «Они робки, миролюбивы, гостеприимны, толковы, склонны к оседлой жизни и домоводству» (л. 49), Невельской сделал из этого важный для России практический вывод: «Я полагаю, что при благом направлении со стороны этих детей природы нельзя будет встретить препятствий к заселению между ими» (л. 49).

Таким образом, результаты экспедиции 1849 г. подтвердили мнение Невельского о том, что России крайне важно для укрепления своих позиций на Амуре поддерживать дружбу с местным населением.

Со своей стороны нивхи оценили дружественное отношение к ним русских и стали искать у них защиты от иностранных хищников. Весной 1850 г. нивхи селения Коль, встретив служащего Российско-американской компании Д. И. Орлова, выразили пожелание, чтобы к ним вновь пришел транспорт «Байкал». Они жаловались на насилия иностранцев и, как сообщал Н. Н. Муравьев со слов Д. И. Орлова, «просили против них нашей защиты, потому что иначе они боятся, чтобы их не убили»⁹.

В июне 1850 г. транспорт «Байкал» вновь прибыл в район залива Счастья, где Г. И. Невельской решил основать свою первую базу — Петровское зимовье. С радостью встретив решение русских поселиться среди них, нивхи говорили Невельскому: «Тунгусов никто не обижает и не трогает, то и мы, гиляки, желали бы, чтобы вы так сделали, чтобы и мы были спокойны, чтобы нас манчжуры не били и жен не хватали и чтобы с моря чужие не насильничали и не обижали. Когда вы здесь, то нас не тронут...»¹⁰.

Когда Невельской выразил сомнение в искренности этого желания, нивхи явно восприняли это с обидой и один из них заявил: «у гиляков ум один». Сообщая об этом факте, Невельской добавляет: «все они думают о нас нехудо»¹¹.

Узнав о намерении Невельского съездить на несколько дней в Аян,

⁹ Центральный гос. архив военно-морского флота (ЦГАВМФ), ф. 410, № 415, лл. 6—7.

¹⁰ Там же, л. 13.

¹¹ Там же.

нивхи попросили его взять с собой двух их посланцев — Позвейна Паткена для переговоров с «джанги» (начальником) Аянского порта принятия в русское подданство. В Аяне Позвейн и Паткен беседовали известным знатоком Тихого океана Вениаминовым (отцом Иннокентием), который усиленно допытывался у них: «по своей ли охоте и воле они пришли?»¹² Позвейн и Паткен ответили ему утвердительно, добавив, что все нивхи как на материке, так и на Сахалине хотят, чтобы русские оградили их от бесчинствующих китобоев и маньчжурских купцов. Начальник Аянского порта В. С. Завойко (впоследствии прославленный руководитель обороны Петропавловска на Камчатке) обещал нивхам сообщить об этом просьбе в Петербург и 5 июля 1850 г. отправил донесение об этом морское министерство. Он писал: «На возвратившемся от зимовья, устроенного Российско-американской компанией, транспорте «Байкаль» прибыли в Аянский порт двое гиляков, как поверенные от всех родов, нивхов, одноплеменных, и принесли мне жалобу, что с моря китобой, а с суши маньчжуры делают на них нападения, грабят имущество и последние даже увозят жен; почему и просят ходатайства моего у государя императора, чтобы Россия приняла их под защиту в свое покровительство»¹³.

Такое доверие к русским, несомненно, было следствием того, что Невельской и его спутники во время своего первого посещения нивхов в 1849 г., подробно ознакомившись с образом жизни местного населения, сумели найти наиболее правильный путь к установлению наилучших отношений с ними. Дальнейшему усилению русского влияния среди нивхов способствовало развитие постоянной торговли, начавшейся в 1850 г., когда, по настоянию Невельского, служащий Российско-американской компании Д. И. Орлов доставил для нивхов первую партию товаров. До этого руководителя компании находили невыгодным вести торговлю южнее Удского острога. Невельской доказал, что в данном случае эту торговлю необходимо развернуть, руководствуясь не столько коммерческими, сколько политическими соображениями.

Невельской верил, что в дальнейшем русские сумеют ознакомить нивхов с более прогрессивными формами хозяйства. Как известно, он и его сподвижники уже в 1850-х годах начали знакомить нивхов с земледелием. В частности, благодаря стараниям Невельского некоторые нивхи уже в начале 1850-х годов завели у себя первые огороды.

Весьма показательно, что Невельской, узнав о действиях иностранных китобоев в селении Тамлево, первым предложил принять меры для того, чтобы помешать им сбывать на Сахалине виски и ром.

Зная, к каким страшным последствиям приводило систематическое спаивание туземцев спиртными напитками, Невельской верил, что русским властям, которым уже давно было вменено в обязанность бороться против распространения на Дальнем Востоке водки, удастся своевременно положить предел дальнейшим попыткам иностранных китобоев приучить жителей Сахалина к употреблению алкогольных напитков. Не без удовольствия он отмечал, что в 1849 г. среди подавляющего большинства нивхов «склонность к пьянству не замечена» (л. 49).

Невельской настаивал на оказании регулярной медицинской помощи нивхам. В частности, он еще в начале 1850-х годов упорно добивался необходимых ассигнований для открытия в Петровском зимовье больницы, в которой могли бы лечиться также и аборигены края.

Конечно, в царской России могло быть осуществлено лишь немногое из того, что было задумано Невельским под влиянием идей передовой русской общественности. Только при Советской власти нивхи получили широкую возможность хозяйственного и культурного развития.

¹² ЦГАВМФ, ф. 410, л. 15.

¹³ Там же, л. 15.